

Небольшой сборник под скромным названием “Лингвистические проблемы сохранения и документации малых языков” представляется, может быть, даже более интересным не столько своим содержанием как таковым, сколько тем научным контекстом, в который он вписан, и теми перспективами, которые открывает.

Сборник является первым изданием в серии “Малые языки и традиции: существование на грани”, которая призвана отражать проблематику изучения исчезающих языков (преимущественно, но не исключительно, языков России и СНГ) и культур малых народов. Специализированная серия такого содержания появляется у нас впервые. Но речь идет не просто о новой серии – речь идет также о новой научно-исследовательской структуре. Это отдел лингвокультурной экологии Института мировой культуры (ИМК) при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова. Отдел (руководимый А.Е. Кибриком) создан в 2004 г., и настоящий сборник является первой публикацией, подготовленной его сотрудниками (М.А. Даниэлем, Т.К. Церетели и самим А.Е. Кибриком)¹. Отдел, как и сам ИМК, создан по инициативе акад. Вяч.Вс. Иванова, возглавляющего его наряду с многими другими исследовательскими и образовательными гуманитарными учреждениями Москвы и остального мира. Издание сборника не только является первым зримым свидетельством существования нового отдела ИМК – оно также приурочено к 75-летию основателя ИМК. Таким образом, перед нами не просто очередной сборник статей по актуальной проблематике, но издание, обладающее нерядовой семиотической нагруженностью.

Интерес к феномену исчезновения и смерти языка растет во всем мире. Растет по вполне объективным причинам – человечество вступило в эпоху, когда число естественных языков стремительно сокращается: языки исчезают, по-видимому, намного быстрее, чем раньше, но при этом уже не возникает новых языков. Специалисты в области гуманитарного знания оценивают этот процесс однозначно отрицательно – как обеднение культурного репертуара человечества, грозящее утратой чрезвычайно существенных сведений о человеке, о мире вокруг и внутри нас, о прошлом и настоящем народов Земли. Соответственно, лингвистическое сообщество уже давно настаивает на мобилизации и объединении усилий по документации исчезающих языков: если процесс нельзя остановить, то можно хотя бы попытаться замедлить его и зафиксировать то, что еще поддается фиксации. Более того, многие известные лингвисты вообще считают эту задачу приоритетной для нашей науки, ее своего рода нравственным долгом перед человечеством и весьма темпераментно призывают отложить “бесплодные теоретические дискуссии”, направив все силы на описание пока еще доступного языкового богатства.

Российские лингвисты и раньше отнюдь не были в стороне от этого движения; но если вновь созданный отдел в составе ИМК сумеет внести ощутимый вклад в документацию исчезающих языков и консолидировать специалистов, занятых в этой области, это будет прекрасным результатом. Надеяться на успех позволяет по крайней мере то, что руководство отделом поручено одному из лучших полевых лингвистов России, сочетающему профессионализм и опыт с выдающимся организаторским талантом.

Перейдем теперь к краткому обзору содержания рецензируемого сборника.

Сборник открывается предисловием, написанным М.А. Даниэлем и А.Е. Кибриком, в котором дается общая характеристика статей

¹ В составлении сборника также принимала участие Д.И. Эдельман (Институт языкознания РАН, Москва).

сборника, излагается история создания отдела лингвокультурной экологии ИМК и поясняется важность усилий по документации исчезающих языков. Эта последняя проблематика изложена лапидарно, но красочно, с интонациями во многих местах почти поэтическими: “Как морская волна шлифует камни, придавая им совершенно обтекаемую форму гальки, так и многовековые процессы языковой деятельности шлифуют структуру человеческих языков <...>. Множественность человеческих языков – это дар современной науке, <...> инструмент для проникновения в тайну Номо sapiens” (с. 5–6). Отмечается, что различные центры, посвященные исключительно или преимущественно документации исчезающих языков, уже функционируют в США и Австралии (к этому списку можно было бы добавить и Японию); создано несколько фондов для поддержки усилий в этой области.

Статьи сборника сгруппированы в три раздела (в каждом из которых по четыре статьи): “Малые языки и народы и методы их исследования”; “Материалы и исследования по языкам народов европейского и азиатского Севера”; “Материалы и исследования по иранским языкам”. Первый раздел, таким образом, включает в основном статьи, посвященные методике и имеющемуся опыту описания малых языков в целом, тогда как два других раздела организованы по ареально-генетическому принципу и включают конкретные исследования и материалы по тем или иным исчезающим языкам.

Первый раздел открывается большой обзорной статьей О.А. Казакевич и А.Е. Кибрика “Малые языки на постсоветском пространстве”, в которой два ведущих специалиста России по документации малых языков обобщают современное положение дел в этой области. В России малыми считаются языки, численность носителей которых менее 50 тыс. чел.; почти все эти языки находятся под угрозой исчезновения. Они в основном локализованы на севере России, в Сибири и на Дальнем Востоке, на Кавказе и в Средней Азии. Дается подробная характеристика истории и современной языковой ситуации в этих регионах; сообщается, в частности, что в течение XX века на территории России и СССР исчезли следующие языки: айнский (изолят), ванджи (памирский), камасинский (самодийский), сиренинский (эскимосский), убыхский (абхазо-адыгский), югский (енисейский). Данные о современном состоянии малых языков обобщены в компактной заключительной таблице, где содержится также оценка “степени витальности” языка по так называемой шкале Краусса, принятой международным сообществом на симпозиуме в Бад-Годесберге в 2000 г. Согласно этой шкале, языки

делятся на пять групп: стабильные (а), нестабильные (-а), а также находящиеся под угрозой (b), в опасности (с) и в критическом состоянии (d). К последней группе причисляются прежде всего водский, керекский, алеутский и медновский, а также ительменский и юкагирский языки и отдельные диалекты хантыйского, мансийского, селькупского, эвенкийского языков. Напротив, как стабильные или относительно стабильные (т.е. нестабильные, но пока не находящиеся под угрозой) характеризуются малые нахско-дагестанские языки цезской, андийской и нахской групп, а также малые картвельские, абхазо-адыгские и памирские языки. Впрочем, в тексте статьи сочетание “под угрозой” иногда, судя по контексту, толкуется расширительно, а не в смысле Краусса: так, находящимися под угрозой на с. 23 называются все малые нахско-дагестанские языки, вопреки тому, что отмечается в таблице².

Далее в разделе помещены статьи Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки “Исчезающие языки и задачи лингвистов-североведов”, А.Е. Кибрика “Опыт ОТИПЛА (филфак МГУ) в изучении малоописанных языков” и М.Ю. Шаповой “Малые этнические группы России и Китая: в поисках идентичности”.

Н.Б. Вахтин и Е.В. Головки в начале обсуждают две крайности окололингвистического дискурса на тему исчезновения языков: с одной стороны, это объявление процесса исчезновения языков естественным, закономерным и даже позитивным и, с другой стороны, это антиглобалистская и подобная ей позиция, видящая в исчезновении малых языков последствия “неоколониализма”, “политики исключения и доминирования” и т.п. Примечательно, однако, что сторонники всех точек зрения выступают за необходимость документирования исчезающих языков. Авторы указывают, что лингвисты имеют особые основания быть заинтересованными в сохранении исчезающих языков – языковое разнообразие еще слишком мало изучено, и потеря данных может отрицательно сказаться на состоянии общей теории языка. Кроме того, авторы видят еще одну важную

² Вызывает удивление также, что в таблице цезские, андийские, лезгинские, нахские и абхазо-адыгские – но не картвельские! – языки отнесены к “иберийско-кавказским”: этот (вообще говоря, устаревший) термин обычно предполагает совместное рассмотрение нахско-дагестанских, абхазо-адыгских и картвельских языков, тогда как принятая в таблице группировка апеллирует скорее к термину “северокавказские”.

задачу современной лингвистики в более пристальном изучении явлений языкового сдвига и структурных изменений языка: возможность наблюдать такие явления в значительных масштабах имеется сейчас почти повсеместно.

В статье А.Е. Кибрика излагается история многолетних (с 1967 г.) лингвистических экспедиций Отделения структурной (впоследствии теоретической) и прикладной лингвистики МГУ. Статья не носит характер исчерпывающей хроники (это делалось другими авторами, в том числе и самим А.Е. Кибриком, в других изданиях), а представляет собой скорее размышления А.Е. Кибрика о его личном научном опыте и том важнейшем вкладе, который опыт полевой работы вносит в формирование лингвиста. Представляют интерес также замечания А.Е. Кибрика об организационной стороне экспедиций, об особенностях (и преимуществах) коллективной работы над материалом. В качестве дополнения к этой статье следует отметить, что в настоящее время экспедиционная деятельность ОТИПЛ МГУ (и идейно связанного с ним Центра типологии при Институте лингвистики РГГУ) переживает подлинный бум: ежегодно происходит не менее четырех экспедиций (а часто и больше), в которых наряду с такими "ветеранами" экспедиционного движения, как А.Е. Кибрик, С.В. Кодзасов, А.И. Кузнецова, О.А. Казакевич, все более активное участие принимают лингвисты младшего поколения (С.Г. Татевосов, Е.Ю. Калинина, С.Ю. Толдова, Н.Р. Сумбатова, Я.Г. Тестелец и многие другие), а также аспиранты и студенты обоих университетов, для которых полевая работа становится неочужденной научной школой. Исследуются не только "традиционные" нахско-дагестанские, но и тюркские, абхазо-адыгские, финно-угорские, самодийские, тунгусо-маньчжурские языки. Фактически, сформировалось уже не одно поколение московских лингвистов, для которых этот полевой экспедиционный опыт стал началом научного пути в типологию и мощным импульсом для самостоятельных исследований не только уральских или северокавказских языков, но и, например, языков Тропической Африки, Северной Америки или баскского.

Маленькая 3-страничная заметка М.Ю. Шаповой информирует о двух недавних мероприятиях, которые в рамках объявленного ЮНЕСКО "десятилетия коренных народов мира" состоялись в Улан-Удэ и Пекине: вопреки своему "проблемному" названию, это просто хроника симпозиумов и фольклорных праздников, изложенная очевидцем.

Второй, "северный" раздел сборника открывается подготовленной Вяч.Вс. Ивановым публикацией фрагмента алеутско-русского

словаря священника Якова Нецветова (алеута по матери, с 1828 г. вплоть до своей смерти в 1864 г. занимавшегося миссионерской деятельностью сначала среди алеутов, а позднее – среди индейцев Аляски). Рукописные материалы Нецветова хранятся в Библиотеке Конгресса США; работа над словарем осталась незавершенной, но данные Нецветова были в основном использованы в сводном алеутском словаре К. Бергсланда (1994 г.). В настоящем издании напечатана подборка лексем и словоформ на букву А, извлеченных составителем из разных фрагментов рукописи Нецветова (около 600 словарных входов от А до Ал-). Полностью сохранена орфография Нецветова (включая опущенные Бергсландом знаки ударения, интерпретация которых не всегда ясна); составителем добавлена транскрипция, английский перевод, морфологическая и в ряде случаев историко-этимологическая информация (параллели из эскимосских, алтайских, енисейских и др. языков, включая хеттский), лингвистические и культурологические комментарии. Последовательно учитывается принадлежащая самому Нецветову религиозная терминология, использованная им в переводах Нового Завета на алеутский (как указывает комментатор, большинство таких образований не отражено в словаре Бергсланда). Как сами материалы, так и комментарии, безусловно, представляют большую ценность, хотя в полиграфическом отношении оформление словарных статей не является оптимальным (диакритики напечатаны справа от букв, к которым относятся, произвольно меняется шрифт и гарнитура статей и т.п., что несколько затрудняет работу с этим источником).

В очень интересной статье О.А. Казакевич "Изменение структуры языка с ограниченной сферой употребления" (на наш взгляд, одной из лучших в сборнике) достаточно детально исследуется процесс редукции грамматических категорий глагола в северных диалектах селкупского языка во второй половине XX в. Отмечается, в частности, более или менее последовательное исчезновение ряда наклонений (прежде всего дебитива и аудитива), а также контаминация субъектного и объектного спряжений. Все эти изменения могут быть успешно объяснены внутрисистемными причинами: влияние русского языка, конечно, могло ускорить их темпы, но прямолинейной связи тут не наблюдается. Данная статья, интересная как по материалу, так и по выводам, является, в числе прочего, непосредственным воплощением призыва Н.Б. Вахтина и Е.В. Головки к изучению динамики языкового сдвига на современном этапе (ср. выше). Статья весьма удачно иллюстрирует справедливость предпо-

ложений Вахтина и Головки о том, что эта область дает богатейший материал для теоретических значимых обобщений.

Статья С.А. Мызникова "Этноязыковая ассимиляция вепсов и ее рефлексы в севернорусских говорах" содержит краткий исторический обзор процесса "отступления" вепсского языка с первоначальной достаточно обширной территории и перечень важнейших лексических элементов севернорусских говоров, восходящих к вепсскому (или иному прибалтийско-финскому) субстрату, выделенных в предшествующих этимологических исследованиях: в основном это названия элементов ландшафта, флоры и фауны, кулинарная и рыболовная лексика, но также ряд экспрессивных глаголов с встроеной отрицательной оценкой типа *бурандаты* 'ворчать', *кобандаты* 'мешкать, копать, медлить' и др.

Несколько особняком стоит последняя в данном разделе статья С.А. Минора и Н.В. Сердобольской "Конструкции с нефинитными формами глагола в коми-зырянском языке (печорский диалект)". В статье на основании полевых данных, собранных авторами в с. Еремеево Троицко-Печорского района, анализируются синтаксические особенности двух классов конструкций: отношения кореферентности в конструкциях с инфинитивом и оформление актантов при причастии в функции зависимого отглагольного имени. Эти две части статьи слабо связаны между собой, но в целом статья написана очень квалифицированно, с учетом новейшей литературы по функциональному и генеративному синтаксису; вместе с тем, справедливость требует признать, что в данном сборнике эта статья не на месте. Во-первых, язык коми все-таки никак нельзя отнести к "малым" (в том числе и по тем критериям, которые приводятся в статьях данного сборника). Во-вторых, статья написана на очень специальную тему, требует далеко не рядовой подготовки в области современного теоретического синтаксиса и обращена совсем не к той аудитории, которую предполагают другие статьи сборника. Так как эта статья вносит вклад не в проблематику изучения малых языков или языкового сдвига, а в диалектологию коми и в синтаксическую типологию, она с большей пользой могла бы быть опубликована в журнале по финно-угроведению или в каком-либо общелингвистическом издании.

Заключительный раздел подготовлен, главным образом, силами сотрудников сектора иранских языков Института языкознания РАН и содержит ценные материалы по малым иранским языкам. Е.К. Молчанова в статье "О влиянии персидского языка на другие иранские языки и диалекты" затрагивает вопрос о взаи-

мовлиянии малых (и практически не изученных) северо-западных иранских языков сивенди и абдуи на персидский язык Ирана (хорошо известный своей неоднородностью). В приложении к этой статье публикуются тексты на сивенди и абдуи. Следующая статья В.А. Ефимова представляет собой публикацию записанных в 1970-е гг. текстов (с минимальными комментариями и русским литературным переводом) на различных диалектах языков парачи (Афганистан) и ормури (Афганистан и Пакистан; часть текстов ормури была опубликована ранее в монографии автора о языке ормури). К сожалению, эта публикация рассчитана исключительно на квалифицированного ираниста, а не на типолога; в сборнике же, посвященном малым языкам (а не проблемам иранистики), лучше было бы принять те стандарты оформления текстов, которые существуют в современной типологии и предполагают, в частности, поморфемное глоссирование (или хотя бы пословный перевод). Две последние статьи раздела посвящены памирским языкам. З.О. Назарова рассматривает ишкашимскую терминологию кровного и некровного родства. В этой краткой статье невольно бросается в глаза несколько комическое для русского читателя утверждение "дальние родственники называются заимствованным словом *duraki*" (с. 204); следовало бы по крайней мере указать источник заимствования. Л.Р. Додыхудоева ("Этнолингвистический словарь: 'дом', 'жилье', 'хозяйство'") предлагает фрагмент тезауруса шугнанско-рушанских языков, относящийся к семантическому полю жилища; статья предпослана полезное социоллингвистическое введение, характеризующее современное положение языков Памира (в дополнение к введ. статье А.Е. Кибрика и О.А. Казакевич).

Оценивая сборник в целом, можно отметить его большую фактическую ценность. Конечно, статьи сборника неоднородны и по качеству, и по тематике, и по жанру, и по характеру затрагиваемых проблем. Это естественно, хотя в некоторых случаях эта неоднородность все же кажется больше того интуитивно приемлемого уровня, который отделяет тематический сборник, например, от номера журнала или материалов конференции. Несколько критических слов можно сказать и об оформлении сборника. Книга издана добротно и даже изящно (что удастся не так уж часто), но не без следов спешки. В издании такого рода весьма досадным является отсутствие указателей (хотя бы указателя языков!) и отсутствие каких-либо сведений об авторах статей.

В то же время, как уже было сказано в начале, сборник интересен не столько сам по себе, сколько как первый выпуск в серии "Ма-

лые языки и традиции’’ и как своего рода декларация о будущей деятельности отдела лингвокультурной экологии ИМК по документированию малых языков. Хорошо, что эта де-

ятельность начата; пожелаем отделу ее успешного продолжения.

В.А. Плунгян